

МОСКОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЦЕРКОВНАЯ ГАЗЕТА

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Газета выходитъ разъ въ недѣлю. Годовая цѣна—3 р. 50 к. съ достав. и пересыл. 4 р. 50 к.; полугод. 2 р., съ достав. и пер. 2 р. 50 к.; за три мѣс. 1 р., съ дост. и пер. 1 р. 30 к.; за 1 мѣс. 40 к., съ дост. и пер. 50 к. Отдѣльные №№ по 10 к. Объявленія за строку, или мѣсто строки, за 1 разъ—10 к., за 2 раза—18 к., за 3 раза—24 к.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Епархіальной библіотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, въ редакціи—на Донской улицѣ, въ квартирѣ протоіерея Ризположенской церкви, В. П. Рождественскаго, у книгопродавцевъ Ферапонтова и Соловьева; въ С.-Петербургѣ у Коралева и Сиракова.

Содержаніе. Воскресныя бесѣды. Бесѣда тридцать третья. Притча Іисуса Христа о вѣрномъ и невѣрномъ домоправителѣ. Историческій отдѣлъ. Сказаніе о Толгской чудотворной иконѣ Божіей Матери. Внутренній отдѣлъ. Освященіе придѣльнаго храма во имя Св. апостоловъ Петра и Павла при Сорокомученической, въ Москвѣ, церкви. Годичное собраніе Братства Святой Равноапостольной Маріи. Открытіе Новоименовскимъ благочиніемъ въ Москвѣ свѣчнаго завода (письмо въ Редакцію). Именной списокъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, уроженцевъ Московской губерніи. Извѣстія и замѣтки. Извѣстія съ Востока. Отъ редакціи. Объявленіе.

ВОСКРЕСНЫЯ БЕСѢДЫ.

БЕСѢДА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Притча І. Христа о вѣрномъ и невѣрномъ домоправителѣ (Лк. 12, 41—48).

Однажды Іисусъ Христосъ, бесѣдуя съ учениками Своими и преподавая имъ разные душеспасительные уроки, училъ ихъ, между прочимъ, что должно неуспынно бодрствовать надъ собою и постоянно быть готовымъ явиться на судъ къ нелицепріятному Судіи—Богу, потому что день, въ который угодно будетъ Господу насъ позвать на судъ Свой, никому неизвѣстенъ; а между тѣмъ—только тѣ рабы удостоятся на страшномъ судѣ похвалы и награды отъ Господа, которые окажутся бодрствующими въ минуту призванія ихъ на судъ Божій. Этотъ урокъ Свой Господь выразилъ, между прочимъ, въ слѣдующей притчѣ.

„Кто вѣрный и благоразумный домоправитель, котораго господинъ поставилъ надъ слугами своими раздавать имъ въ свое время мѣру хлѣба? Блаженъ рабъ тотъ, котораго господинъ его, пришедши, найдетъ поступающимъ такъ. Истинно говорю вамъ, что надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его. Если же рабъ тотъ скажетъ въ сердцѣ своемъ: не скоро придетъ господинъ мой; и начнетъ бить слугъ, и служанокъ, ѣсть, и пить, и напиваться: то придетъ господинъ раба того въ день, въ который онъ не ожидаетъ, и въ часъ, въ который не думаетъ, и разсѣчетъ его, и подвергнетъ его одной участи съ невѣрными. Рабъ же тотъ, который зналъ волю господина своего, и не былъ готовъ, и не дѣлалъ по волѣ его, бить будетъ много. А который не зналъ, и сдѣлалъ достойное наказанія, бить будетъ меньше. И отъ всякаго, кому дано много, много и потребуется; и кому много ввѣрено, съ того больше взыщутъ“.

Въ этой притчѣ, братіе, подъ домомъ, въ которомъ есть господинъ, слуги и домоправитель, разумѣется церковь Христова; господинъ церкви есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Глава церкви; слуги, это—всѣ вѣ-

рующіе во Христа, члены церкви Христовой, а домоправитель обозначаетъ собою тѣхъ изъ вѣрующихъ во Христа, которые имѣютъ въ церкви Его какое либо особенное назначеніе и служеніе, каковы напр. апостолы, проповѣдники, пастыри и учителя. Господинъ дома представляется въ притчѣ отшедшимъ изъ дома и потомъ, въ неизвѣстное для слугъ время, снова возвращающимся въ него: это означаетъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, основавши церковь Свою на землѣ, вознесся на небо къ Богу Отцу Своему, а потомъ, въ невѣдомое ни для кого изъ людей, ни даже для ангеловъ, время, снова придетъ на землю, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ. Отшедши на небо къ Отцу Своему, Господь всякому вѣрующему далъ въ церкви Своей особое мѣсто и назначеніе: одни въ церкви Христовой суть начальствующіе, другіе—подчиненные. Но какъ между начальствующими есть степени различія, такъ и подчиненные не всѣ между собою одинаковы; подобно тому, какъ на различныхъ слугахъ въ домѣ обыкновенно лежатъ различныя дѣла и обязанности, такъ и каждому вѣрующему, кромѣ общихъ всѣмъ обязанностей, дано какое либо особенное дѣло въ земной жизни. Отъ всякаго же вѣрующаго, будетъ ли онъ домоправитель въ церкви Христовой или простой слуга Христовъ, требуется, братіе, оказаться на страшномъ судѣ Христовомъ рабомъ вѣрнымъ, до послѣдней минуты жизни его на землѣ усердно дѣлавшимъ ввѣренное ему отъ Промыслителя—Бога дѣло. А когда Господь смертію позоветъ его на судъ Свой, сіе никому неизвѣстно,—для того именно и оставлено это въ полной неизвѣстности, чтобы постоянно бодрствовать и не лѣнностно трудиться на всякій день и часъ. А если бы кто изъ насъ, братіе, сказалъ въ сердцѣ своемъ: „еще успѣю покаяться предъ смертію, а теперь пока поживу въ веселіи“, и сталъ бы проводить жизнь въ объяденіи и пѣнствѣ, въ обидяхъ и притѣсненіяхъ ближнихъ, какъ невѣрный домоправитель притчи: то Господь угрожаетъ позвать его смертію на судъ Свой именно „въ

тотъ день, въ который онъ не ожидаетъ, и въ часъ, въ который не думаетъ“, и подвергнуть его „одной участи съ невѣрными“.

И такъ, братіе—христіане, никакъ не слѣдуетъ отлагать свое духовное исправленіе до послѣдняго дня жизни; ибо Одному Богу извѣстно, когда постигнетъ насъ этотъ день, а еще страшнѣе то, что неизвѣстно, какъ постигнетъ насъ смертный часъ: можемъ ли мы сказать, что смерть не въ минуту покончить съ нами?—Еще помнить всегда должны мы и то, что „рабъ тотъ, который зналъ волю господина своего, и не былъ готовъ, и не дѣлалъ по волѣ Его, битъ будетъ много“. А мы—христіане, и потому должны считать себя рабами, знающими волю Господа своего. Но ты скажешь: „хотя я и христіанинъ, но я — невѣжда въ словѣ Божіемъ, не знаю или мало знаю волю Христа, и Онъ проститъ мнѣ грѣхи за мое невѣденіе“? Правда, Господь говоритъ: „рабъ, который не зналъ воли господина своего, и сдѣлалъ достойное наказанія, битъ будетъ меньше“. Но ты въ этихъ словахъ Христа обращай болѣе вниманія не на то, что этотъ рабъ „битъ будетъ меньше“, а на то, что и онъ *будетъ битъ*, хотя и меньше. — За что же, скажешь? А за то, что совершенно невѣдущихъ воли Господней нѣтъ; если кто слова Божія не знаетъ, тому его сердце говорить, что добро и что худо. Аминь.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Сказаніе о Толгской чудотворной иконѣ Божіей Матери ¹⁾. Св. Петръ, митрополитъ кievскій и всея Россіи, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ своего поставленія (въ 1308 г.) въ этотъ санъ, долженъ былъ обратить особенное вниманіе на ордынскія отношенія къ русской церкви. Въ 1313 г. въ Ордѣ сдѣлался ханомъ Узбекъ и первый изъ хановъ принялъ магометанство; а до него въ Ордѣ едва ли даже была одна религія — по всей вѣроятности тамъ господствовала смѣсь всякихъ вѣрованій средней Азіи. Отсюда объясняется религіозный индифферентизмъ монголовъ. Съ объявленіемъ магометанства, извѣстнаго своимъ фанатизмомъ, господствующую вѣрою въ Ордѣ, нельзя было разсчитывать на продолженіе прежнихъ отношеній хановъ къ православію. Св. Петръ счелъ нужнымъ отправиться въ Орду. Къ счастью, старая языческая терпимость не вдругъ пропала между новыми исповѣдниками Магомета; митрополита приняли по старому, съ честію, и скоро отпустили; а чрезъ два года полученъ отъ хана и новый ярлыкъ въ пользу духовенства. Кромѣ прежнихъ льготъ, изображенныхъ въ ярлыкѣ Менгу-Темира, въ новомъ ярлыкѣ прибавлены новыя льготы относительно церковнаго суда: всѣ церковные люди подчинены суду митрополита по всѣмъ дѣламъ, не исключая и уголовныхъ ²⁾. Благотворный святитель ожидалъ грамоты татарскаго хана, какъ милости Божіей. По молитвамъ его, еще прежде чѣмъ доставленъ былъ въ Россію ярлыкъ Узбека, онъ утѣшенъ былъ вѣрнымъ знаменіемъ милости Божіей къ бѣдствующей Россіи — явленіемъ Богоматерней иконы на Толгѣ (на правой

сторонѣ этой рѣки, неподалеку отъ впаденія ея въ Волгу), что было въ 1414 году ³⁾.

Обстоятельства явленія чудотворной Толгской иконы извѣстны слѣдующія. Блаженный Прохоръ, епископъ ростовскій и ярославскій ⁴⁾, по обзорѣни своей паствы, возвращаясь рѣкою Волгою въ Ярославль изъ Бѣлозерской страны, входившей тогда въ составъ обширной Ростовской епархіи, 7 августа, неподалеку (въ 8 верстахъ) отъ Ярославля, застигнуть былъ позднимъ вечеромъ. Остановившись у праваго берега Волги, онъ приказалъ раскинуть на горѣ, выше берега, дорожный шатеръ и расположился ночевать здѣсь. Въ полночь святитель, пробудясь отъ сна, видѣлъ въ шатрѣ своемъ необыкновенный свѣтъ, разливавшійся на всю окрестность отъ огненнаго столпа, ярко сіявшаго на другой сторонѣ Волги, а черезъ Волгу видѣлъ мостъ къ тому столпу. Помолвившись Богу, взялъ онъ жезлъ, вышелъ изъ своего шатра и, не разбудивъ никого изъ своей свиты, взошелъ на видимый имъ мостъ и пошелъ по водѣ, какъ по доскамъ. Перейдя на другую сторону рѣки и приближаясь къ огненному столпу, въ сіяніи его онъ увидѣлъ икону Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, стоящую на воздухѣ болѣе чѣмъ на 5 локтей отъ земли ⁵⁾, помолился ей довольное время и пошелъ назадъ, забывши тамъ свой жезлъ; возвратясь, засталъ всѣхъ спящими и самъ предался покою. На слѣдующее утро собрался онъ ѣхать въ городъ, но слуги не могли найти его жезла, оставленнаго имъ за Волгой. Изъ этого обстоятельства проразумѣлъ благочестивый святитель, что ему, въ сообразность съ волей Божіей, надобно открыть чудесное событіе, утаенное имъ, по чувству глубокаго смиренія, отъ своихъ спутниковъ (священниковъ, клириковъ и др.), и, разсказавъ подробно, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, о своемъ ночномъ видѣніи и какъ былъ за Волгой, послалъ туда за жезломъ. Слуги, ища тамъ жезлъ, находятъ икону въ лѣсу, стоящую уже не на воздухѣ, а на землѣ между деревьями, и при ней посохъ. Тогда епископъ, оставивъ путь въ городъ, переѣхалъ за Волгу съ своею свитою, нашелъ икону, видѣнную имъ ночью въ сіяніи огненнаго столпа, пролилъ предъ нею теплыя слезы. Затѣмъ самъ онъ и бывшіе съ нимъ начали рубить деревья, строить церковь, и въ тотъ же день, при содѣйствіи посѣщившихъ на помощь жителей Ярославля, небольшая церковь была окончена, а по внесеніи въ нее новоявленной иконы освящена въ память входа во храмъ Божіей Матери. Скоро потомъ здѣсь основана обитель Толгская, въ которой икона Богоматери прославилась многими чудотвореніями ⁶⁾. Писана древнимъ греческимъ письмомъ на дскѣ, мѣрою около 14 въ вышину и почти 11 вершковъ въ ширину. Св. Дѣва представлена въ обыкновенномъ пояскомъ видѣ. Лицъ ея обращенъ въ лѣвую сторону къ Предвѣчному Младенцу, сидящему на ея шуйцѣ. Младенецъ касается своимъ ликомъ и десницей, простертой черезъ правое плечо Богоматери, ланитъ ея, а шуйца Его

³⁾ Русскіе святые, соч. Филарета, архіепископа черниговскаго, 1865, кн. 3, стр. 583 и 584.

⁴⁾ Преставился въ схимѣ, подъ именемъ Трифона, 7 сент. 1328 г. и погребенъ въ ярославскомъ Спасскомъ монастырѣ (за алтаремъ Преображенской церкви), гдѣ онъ былъ архимандритомъ до 1311 года. Посвященъ во епископа въ этомъ году св. митроп. Петромъ.

⁵⁾ Локоть—мѣра, соответствующая длинѣ руки отъ локтя до конца средняго пальца, равняющая почти 14 вершкамъ.

⁶⁾ Четъи мин., авг. 8 дня.

¹⁾ Празднество ей бываетъ 8 августа.

²⁾ Руководство къ русской церк. исторіи, П. Знаменскаго. Казань, 1876, стр. 60—63.

покоится на персяхъ ея. Жемчужная риза на этой иконѣ украшена брилліантами, алмазами и другими драгоценными камнями. Примѣчательны на ризѣ: а) въ $\frac{3}{4}$ вершка жемчужина съ отливомъ Господа Вседержителя; б) золотой, съ такою же цѣпочкой, наперсный крестъ, осыпанный брилліантами и красными яхонтами — даръ великой княгини Екатерины Павловны; доставленъ 26 января 1812 г. чрезъ ярославскаго гражданскаго губернатора князя Михаила Николаевича Голицына, и в) брилліантовая (александровская), на правомъ рамѣ Богоматери, звѣзда съ изумрудами, оправленная въ золото. Всемиловѣйше императоромъ Александромъ I-мъ пожалована въ день коронаванія (15 сентября 1801 г.), члену Св. Синода архіепископу ярославскому Павлу (Пономареву), а въ 1804 г. болынымъ преосвященнымъ (сконч. 1806 г. марта 19) пожертвована въ Толгскій монастырь 7).

Въ прошломъ (1877) году, въ бытность въ городѣ Ярославлѣ, я счелъ непремѣннымъ долгомъ посѣтить, и 12 июля, вмѣстѣ съ преосвященнымъ ярославскимъ и ростовскимъ Іонааномъ, посѣтилъ первоклассный Толгскій монастырь, на берегу Волги, и поклонился Богоматерней иконѣ, явленной при жизни святителя Петра. Въ нашемъ Высокопетровскомъ монастырѣ, посвященномъ имени его, есть, по срединѣ, церковь св. митрополита Петра, а напротивъ ея, по правую сторону, идя отъ св. воротъ, небольшая, въ честь Толгскія иконы Божіей Матери, церковь, которую построила въ 1750 г. вдова комнатнаго стольника Ивана Ивановича Нарышкина, статсъ-дама Анастасія Александровна, рожденная Милославская 8). Храмовая Толгская икона одной мѣры съ чудотворною, въ серебро-позлащенномъ чеканномъ окладѣ; на вѣнцѣ Богоматери—шестокрылатые чеканные серафимы и по краямъ два ангела во весь ростъ, одинъ къ другому обращенные; убрूसъ и ожерелье низаны по красной матеріи (въ послѣдствіи перенизаны по золотому глазету) мелкимъ кафимскимъ жемчугомъ въ одну нить, а корона въ насыпь. Внизу на окладѣ вырѣзаны слова: «списанъ сей святой образъ съ подлиннаго чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы, яже въ Толгской обители... а писалъ сей святой образъ 1744 году, мѣсяца августа, града Ераславля церкви святаго великомученика Димитрія Селунскаго попъ Іоаннъ Андреевъ 9).

7) Ярославскій Толгскій мон., 1873, стр. 1—4, 21—22, 59—60 и 66. На 77 стр. замѣчено, что на чудотворную икону Толгскую имѣются еще двѣ жемчужныя съ драгоценными камнями ризы. Мы описали ризу подъ 1-мъ №.

8) Нарышкинъ род. 11 апр. 1668, ум. 26 ноября 1735 г. и въ монастырѣ, вѣроятно, погребенъ. Первая жена его Прасковія Онуфриевна Денисьева. Изъ исповѣднхъ вѣдомостей за 1737 г. видно, что Анастасія Александровна (была его 2-ю женою) 35 лѣтъ, имѣла домъ въ приходѣ Николаевской, въ Мыльникахъ, церкви, близъ Воспитательнаго дома, находившейся и упраздненной послѣ моровой (1771 г.) азы. Подробнѣе свидѣніи о построеніи ею Толгской церкви см. въ «Моск. Еп. Вѣдомостяхъ» 1872, № 50, стр. 531—532. Она сконч. 26 янв. 1773 г., но въ монастырѣ Высокопетровскомъ (въ центрѣ города) не могла быть похоронена въ то время. Изъ болѣе погребавшихся здѣсь до 1771 года, извѣстенъ майоръ Иванъ Пв. Нарышкинъ, женатый на Таракановой и умершій 1758 г., янв. 18, на 27 году отъ рожденія. Тѣло его положено подъ Толгскою церковью возлѣ южной стѣны.

9) Въ Толгской церкви надъ царскими вратами въ алтарѣ есть живописная икона св. Димитрія митрополита ростовскаго, въ выш. 1 арш. 8 верш., въ шир. 1 арш. 2 $\frac{1}{2}$ верш. На ней внизу надпись: «совершенъ сей святой образъ 1762 году марта 8 дня, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, при архимандритѣ Селивестрѣ, того же монастыря служителемъ Михеемъ Оерапонтовымъ».

У насъ 8 числа августа, по случаю праздника Толгской иконы Божіей Матери, бываетъ ежегодно большое стеченіе богомольцевъ.

«О всебѣгая Мати, Пресвятая Богородице Дѣво Маріе! не престай молитися о насъ недостойныхъ рабѣхъ Твоихъ, славящихъ Тя и почитающихъ, и поклоняющихся пречистому образу Твоему».

12 июля. *Архимандритъ Григорій.*

ВНУТРЕННІЙ ОТДѢЛЪ.

Освященіе придѣльнаго храма во имя св. апост. Петра и Павла при Сорокомученической, въ Москвѣ, церкви. 25 іюня, въ воскресенье, въ московской Сорокосвятской церкви состоялось освященіе вновь устроеннаго придѣла во имя св. ап. Петра и Павла. Это былъ, такъ сказать, заключительный актъ пережитыхъ Сорокосвятскою церковію метаморфозъ за послѣдніе два года. Въ это время она, благодаря усердію и жертвамъ старосты Феодора Михайловича Стриженова, совершенно преобразилась и въ архитектурномъ отношеніи и въ отношеніи внутренняго благолѣпія, — преобразилась до того, что для всякаго, видѣвшаго ее прежде, теперь она стала неузнаваема. Глубоко-торжественно потому было и освященіе новаго придѣла. Принеся значительныя жертвы на устройство церкви, староста Стриженовъ порадѣлъ и о томъ, чтобы *конецъ* исполнѣ отвѣчалъ и достойно вѣнчалъ *дѣло*.

Освященіе совершено было высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Инноцентіемъ въ сослуженіи съ преосвященнѣйшимъ Порфиріемъ, настоятелемъ Новоспасскаго монастыря и не малымъ числомъ священнослужачихъ при участіи чудовскаго хора. Мы не станемъ говорить о томъ, какъ умиленно и трогательно были совершены священнодѣйствія и сколь великое множество привлекли они любителей священнаго торжества. Но не можемъ не отмѣтить здѣсь двухъ, особенно тронувшихъ насъ, да и не насъ только, а и многихъ, обстоятельствъ: 1) участія въ крестномъ ходу вокругъ церкви самого престарѣлаго нашего владыки-апостола. Это участіе было столь поразительно, что многіе, видя великаго старца, какъ говорится, не вѣрили своимъ глазамъ. 2) По совершеніи освященія, когда возглашены были обычныя молитвія и, между прочимъ, рабу Божію Феодору, мѣстный о. настоятель П. А. Смирновъ поднесъ митрополиту, устроенную отъ причта и прихожанъ по подпискѣ, икону 1), которою владыка и благословилъ благотворителя храма. Нужно было быть ближайшимъ свидѣтелемъ, чтобы исполнѣ понять и оцѣнить этотъ моментъ. Дрожащій голосъ владыки, изрекавшій благожеланія старостѣ и его чадамъ, благоговѣйный трепеть, растворенный неволью пролившеюся слезою, какимъ проникнуть былъ въ эти минуты староста, — это поистинѣ былъ

1) Икона она, довольно цѣнная, работы извѣстнаго Хлѣбникова, въ общемъ представляеть видъ складня въ два яруса, только съ закругленными верхами. На средней, возвышающейся надъ другими, части помѣщено изображеніе св. 40 мучениковъ, на правой сторонѣ (отъ зрителя) изображеніе ап. Петра и Павла, а на лѣвой св. Николая. Въ нижнемъ ярусѣ помѣщены въ срединѣ изображенія св. Феодора и преп. Елизаветы; на одной сторонѣ—изображеніе арх. Михаила (ангела сына старосты, особенно много потрудившагося въ дѣлѣ устройства храма) и преп. Сергія. Такимъ образомъ она икона, съ лицевой стороны, представляеть какъ бы внутренность Сорокосвятскаго храма. На задней же сторонѣ прикрѣплена серебрянная дощечка, на коей находится приличная надпись и начерченъ вѣншій фасадъ Сороков. храма.

моментъ проявленія чистой, истинно-христіанской жизни. Та-вня минуты неизгладимо запечатлѣваются въ душѣ!

По окончаніи литургіи высокопреосвященнѣйшій, не смотря на свою слабость и продолжительность служенія, посѣтилъ помѣщеніе о. настоятеля, который, мимоходомъ сказавъ, только наканунѣ своего церковнаго торжества переселился въ новый домъ. Замѣтимъ кстати, что этотъ новый прекрасный деревянный домъ устроенъ для священника тѣмъ же Стриженовымъ. Отъ настоятеля маститый владыка отправился въ домъ старосты Стриженова, гдѣ и раздѣлилъ трапезу и радость домохозяина и многихъ собравшихся.

Не остался безъ награды и о. настоятель храма, на долю котораго пало не мало заботъ и хлопотъ по устройству храма: во время литургіи на него высокопреосвященнѣйшимъ возложенъ былъ набедренникъ.

Н. В. Л.—вг.

Слово въ день освященія придѣльнаго храма во имя св. ап. Петра и Павла при Сорокомученической, въ Москвѣ, церкви.

«Что реку и что возглаголю?» — такъ однажды св. Іоаннъ Златоустъ спрашивалъ себя въ недоумѣніи отъ избытка мыслей и чувствъ при видѣ свѣтлаго духовнаго торжества, бывшаго въ Константинополѣ по случаю перенесенія мощей св. мучениковъ изъ соборнаго храма въ загородную церковь ап. Ѳомы. Множество вѣрныхъ всякихъ званій и возрастовъ; благочестивое усердіе, полное мужества, съ какимъ перенесли далекое шествіе даже женщины и дѣти, участіе въ этомъ шествіи самой вѣнценосной царицы; безчисленные свѣтильники въ ночную пору, освѣщавшіе все продолженіе пути и казавшіеся какъ бы огненнымъ потокомъ; соборъ много служителей алтаря; нетлѣнные останки мучениковъ, — все это приводило великаго оратора-святителя въ священный восторгъ и вызывало на слово. Онъ ликовалъ, какъ самъ выразился, упоеваясь духовнымъ наслажденіемъ, восхищаясь зрѣлищемъ богатства церкви; душа его, полная самаго чистаго удовольствія, готова была излиться въ словѣ. Но онъ чувствовалъ, что это слово, какъ слово человѣческое, недостаточно для выраженія всего, что было у него на душѣ: потому и спрашивалъ себя: «что скажу и что возглаголю?»

Такъ даже и св. Златоустъ, рѣчь котораго всегда лилась широкою рѣкою и потрясала Антиохію и Царьградъ, и онъ недоумѣвалъ о чемъ говорить въ минуты свѣтлаго торжества предъ великимъ собраніемъ вѣрныхъ! Что же скажу, о чемъ поведу рѣчь я, смиренный, предъ столь великимъ собраніемъ, которое если и уступаетъ оному собранію византійцевъ численностію, то не уступаетъ, скажу дерзновенно, ревностію по благочестію? Что реку я, меньшій между собратіями моими, юнѣйшій въ средѣ дѣлателей виноградника Божія, — что реку въ присутствіи отцовъ-архипастырей и столькихъ сослужителей моихъ у алтаря Господня? Что возглаголю я, недостойный, при столь радостномъ и свѣтломъ для насъ событіи, — событіи, по милости Божіей, начавшемся и уже совершившемся въ мое столь еще не долгое служеніе при семь храмѣ? Благословенъ Богъ, изволивый такъ скоро исполниться моему первому чувству, моему первому, какъ помнится, хотя и безотчетному тогда, желанію, какое ощутилъ я, когда въ первый разъ вошелъ въ храмъ сей! Благословенъ Богъ, благоволивый такъ ознаменовать начатокъ моего служенія въ семь храмѣ и въ семь санѣ!

Но что же скажу я вашей любви, — я жияй, а не сѣй?

Хотѣлось бы прежде всего восхвалить ревность и усердіе

виновника сего торжества — ктитора сего храма. Знаю, что и вы желаете и ожидаете отъ меня такого слова, какъ самаго естественнаго въ настоящемъ случаѣ. Но насколько мнѣ извѣстно, не изъ-за похвалъ явилось это усердіе и не тщеславіе его поддерживало. Не похвалъ поэтому оно и ищетъ. Нѣтъ; оно желаетъ, чтобы жертва эта принята была въ пре-небесный жертвенникъ какъ благовонное кадило, чтобы увѣнчана она была вѣнцомъ не земной, а небесной славы.

Сами собою затѣмъ напрашиваются на слово тѣ труды, тѣ заботы и безпокойства, которые подъяты были строителемъ и украсителемъ сего храма, — скажу болѣе, ибо знаю достоверно, — тѣ безсонныя ночи, которыя проводилъ онъ въ тревожныхъ размышленіяхъ, когда дѣло благоуукрашенія храма или встрѣчало какія-либо препятствія, или почему-либо замедлялось. Но къ чему омрачать и вашъ и его слухъ воспоминаніями о прошедшихъ уже безпокойствахъ и тѣхъ непріятностяхъ, безъ которыхъ не обходится ни одно, даже и самое доброе человѣческое предпріятіе? Къ тому же, какъ знаю я, какъ предполагаю конечно, а быть можетъ даже замѣчаете и вы, и самъ виновникъ торжества не помнитъ скорби за радость, — радость по случаю окончанія начатаго дѣла.

Съ сердечнымъ бы удовольствіемъ далѣе остановилъ я свое и ваше вниманіе на томъ святомъ увлеченіи, съ какимъ трудились чада ктитора и особенно одинъ изъ нихъ, раздѣляя его заботы по дѣлу украшенія храма, — своимъ чистымъ, юношескимъ пыломъ возбуждая, поддерживая и поощряя его на усердныя жертвы. Но дѣло это — дѣло для славы Всемогущаго... Да не мните же, юные радѣтели о благолѣпнн храма, получить за свое усердіе къ славѣ Божіей славу человѣческую; да не изрекаютъ поэтому и мои уста слова хвалы вамъ. Въмѣсто того — да возвѣстятъ онѣ вамъ, приидевающее моему сану и сему свящ. мѣсту, — благословеніе и такое благожеланіе: да скажутся имена ваши предъ горными силами и да напишутся онѣ въ книгѣ животной!

Желательно бы было поговорить и объ усердіи трудившихся надъ строеніемъ и украшеніемъ храма, о ревности тѣхъ лицъ, которые призваны были ктиторомъ къ исполненію его благихъ намѣреній. Желательно было бы поговорить между прочимъ о дѣятельности особенно одного изъ нихъ, «мужа мудра, иже вѣсть дѣлати въ златѣ и въ сребрѣ, и въ мѣди и въ желѣзѣ, и въ каменіяхъ и въ древахъ, и ваити всякую рѣзь и разумѣти всякое разумѣніе (2 Паралип. II, 14) мужа мудра, хотя онъ, какъ и оный Хирамъ тирянинъ, трудившійся надъ созданіемъ Соломонова храма, и иноплеменикъ нашъ по вѣроисповѣданію. Его и его сотрудниковъ желаніе содѣйствовать предпріятому дѣлу и добрымъ совѣтомъ, основаннымъ на опытности и знаніи, и усерднымъ трудомъ; его и ихъ дѣятельность чуждая мелочной расчетливости, торгашескаго своекорыстія; его и ихъ дѣланіе, клонившееся не къ тому, чтобы, какъ говорится, только эксплуатировать благочестивое рвеніе ктитора, а къ тому, чтобы это рвеніе воплотить по возможности въ изящную и даже художественную форму, — чтобы дѣло, къ которому они были приставлены, было вполне достойно дома Божія: все это заслуживаетъ, чтобы воздать должную похвалу и симъ трудившимся. Но мнѣ ли, малосвѣдущему въ строительствѣ и художествѣ, братья за такое дѣло!

Итакъ — что же я скажу, о чемъ возглаголю?

Говорить ли мнѣ о благолѣпнн храма въ настоящемъ его видѣ? Но неволью вынуждаюсь повторить только-что сказан-

ное мною: мнѣ ли малосвѣдущему въ художествѣ братья за это дѣло? Да и къ чему послужило бы, не говорю: мое слабое, слово, но и слово сильнаго въ словѣ, когда каждый своими глазами можетъ видѣть оную красоту дома Господня, когда каждому довольно сказать «прииди и виждь».

Вспоминать ли, что было прежде? Каковъ былъ этотъ храмъ до сего времени? Но, приводя себѣ на память свое, столь еще недавно сказанное, слово, посвященное оному предмету, считаю излишнимъ утомлять вниманіе вашей любви повтореніями... Къ тому же мнѣ думается, что всѣ вы, — одни по выслушаніи онаго моего слова, другіе по знакомству съ устными, хотя и сбивчивыми, преданіями, — но всѣ вы, созерцая настоящую широту и благолѣпіе сего дома Божія, и сами невольно переноситесь мыслію ко временамъ прошлымъ. Да! всему свое время. Было время когда на этомъ мѣстѣ стоялъ храмъ деревянный, малый и тѣсный. Прошло и то время, когда вмѣсто деревяннаго созданъ былъ сей каменный храмъ, увеличенный придѣломъ во имя святит. Николая. Миновало и то, столь еще недавнее время, когда мы своими глазами видѣли сей храмъ благоукрашеннымъ и раскрашеннымъ въ трапезной его части. Настало и наше время!.. Церковь никогда не забываетъ создателей храмовъ и ревнителей ихъ благолѣпія. Сотворимъ же и мы добрую память какъ первоначальныхъ — неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ строителей нашего храма, такъ и извѣстнаго, памятнаго вамъ, Петра Яковлевича Маслова! Помянемъ также и служившихъ при семъ храмѣ и радѣвшихъ о немъ — приснопамятнаго іерея-мученика Петра Гавриловича, кровію запечатлѣвшаго свою преданность оной святыни¹⁾, и достойнѣйшихъ протоіереевъ Юанна (Тимоеевича Тихомірова) и Александра (Серг. Терновскаго), посвятившихъ на служеніе при семъ храмѣ лучшіе годы своей жизни²⁾.

Но что же реку, что возглаголю я, недостойный преемникъ столь достославныхъ мужей? На чемъ преимущественно остановлю вниманіе вашей любви въ настоящій разъ?

Всякій изъ насъ, конечно, слыхалъ, повидимому, добрыя слова, что благолѣпіе храмовъ есть излишняя роскошь, несовмѣстная съ христіанскою простотою, и что несравненно плодотворнѣе деньги, употребляемыя, какъ говорятъ, непроизводительно на украшеніе храмовъ, употреблѣны на дѣла благотворенія бѣднымъ, — всякій, говорю, слыхалъ такія слова и быть можетъ задумывался надъ ними. Да, подобная рѣчь добра въ снѣдѣ, удобна очима видѣти и красна еже разумити (Быт. III, 6). Размышленію о ней-то, объ этой льстивой рѣчи, прошу вашу любовь посвятить нѣсколько минутъ.

Апостолы, говорятъ, и ихъ первые ученики служили Богу не въ великолѣпныхъ храмахъ. Вѣрно! Христіане на первыхъ порахъ устроенія церкви Христовой на землѣ совершали служеніе Богу въ обыкновенныхъ домахъ; тамъ же имъ предлагаема была и великая трапеза Господня. Только какъ тѣ отдѣленія въ домахъ, куда собирались вѣрующіе на молитву, такъ и тѣ столы, на которыхъ совершалась великая Жертва, не были потомъ допускаемы до житейскаго употребленія. Со временемъ же, когда церковь подверглась жестокиимъ гоненіямъ со стороны языческаго міра, когда вѣ-

рующіе были преслѣдуемы за одно имя — «христіанъ», — послѣдніе лишены были всякой возможности безопасно служить Богу даже и въ частныхъ домахъ. Для совершенія богослуженія они собирались по ночамъ въ мѣстахъ уединенныхъ, загородныхъ или же въ подземельяхъ. Понятно само собою, что при такихъ условіяхъ невозможно было и помышлять о великолѣпнѣ мѣстѣ богослуженія. При всемъ томъ и въ то время, — не могу пройти сего молчаніемъ, — христіане старались, насколько то возможно было, совершать по крайней мѣрѣ таинство евхаристіи въ *опредѣленныхъ* мѣстахъ и *украшали* эти мѣста символическими изображеніями. Живыми памятниками тѣхъ временъ служатъ римскія катакомбы. Такъ было у первенствующихъ христіанъ. А если мы обратимся къ церкви первобытной, то увидимъ, что тамъ еще менѣе было попеченій о благолѣпнѣ мѣстѣ молитвы. Иakovъ, какъ повѣствуетъ бытописатель, однажды во время путешествія застигнутъ былъ ночью въ открытомъ полѣ, взявши камень подъ голову, онъ легъ и во снѣ удостоился видѣнія; проснувшись же, принесъ жертву Богу на томъ самомъ камнѣ, на которомъ ночью покоилась его голова (Быт. XXVIII, 10—22).

Но какъ въ ветхозавѣтныя времена, съ развитіемъ общественной, бытовой жизни избраннаго народа Божія, сначала устроена была Моисеемъ скинія, а потомъ, когда жизнь онаго народа достигла высшей степени культурнаго развитія, въ Іерусалимѣ, по мысли Давида, былъ созданъ Соломономъ великолѣпный храмъ; такъ и въ новозавѣтной церкви съ теченіемъ времени катакомбы были замѣняемы храмами, а когда христіанство окончательно восторжествовало надъ міромъ, когда не только прекратились гоненія на него, но и сами вѣщности покорились ему; тогда въ Константинополѣ сооруженъ былъ храмъ въ честь *Софїи* — премудрости Божіей, — храмъ, приводившій въ изумленіе современниковъ.

Значить, какъ культурная, бытовая жизнь всякаго народа не остается на одной ступени, но, подчиняясь однажды навсегда положеннымъ законамъ Промысла, переходитъ съ одной ступени на другую восходя къ большому совершенству, а въ согласіи съ этимъ поступленіемъ впередъ, и религіозныя воззрѣнія, хотя онѣ и имѣютъ свою основую неизмѣнную Богооткровенныя начала, всегда видоизмѣнялись въ понятіяхъ людей соотвѣтственно измѣнчивой человѣческой восприимлемости, — всегда шли, какъ говорится, объ-руку съ культурнымъ развитіемъ того или другаго общества; — такъ и мѣста Богослуженій, какъ виѣшній, такъ сказать, обликъ этихъ воззрѣній, въ разныя времена получали различныя виды и оттѣнки, всегда впрочемъ отпечатлѣвая на себѣ характеръ того или другаго времени, того или другаго общества. Посему-то, скажу мимоходомъ, они и имѣютъ столь высокую цѣну въ глазахъ не только благочестивыхъ почитателей святыни, но и ученыхъ любителей древности и исторіи.

Такъ было вездѣ и всегда. Тоже мы видимъ и въ исторіи нашего отечества. — У насъ христіанство не испытало той тяжелой участи, какую перенесло оно первоначально въ греко-римскомъ мірѣ. Насажденное св. княземъ Владиміромъ, оно съ перваго же раза нашло себѣ поддержку въ верховной власти и — пересажено было на русскую почву въ тѣхъ вполнѣ-сложившихся формахъ, въ какія облечено было въ то время въ греческомъ мірѣ. Отъ того-то наше отечество и изобилуетъ величественными памятниками древней религіозной

¹⁾ Смотри мое слово „Епарх. Вѣд.“ № 13, 1878 г.

²⁾ О. Тихоміровъ былъ сначала діакономъ при сей церкви — съ 1806 по 1817 г., потомъ священникомъ по 1848 г. О. Терновскій изъ бакалавровъ Моск. дух. академіи съ 1848 по 1876 г.

жизни, каковы суть храмы кievскіе, новгородская Софія и т. д. Тѣмъ не менѣе какъ бытовая жизнь русскаго народа, сложившаяся первоначально подъ вліяніемъ византійскимъ, видоизмѣнялась съ теченіемъ времени, подчиняясь обще-историческому ходу, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества принимало такое или иное направленіе и религиозное народное сознание; такъ и мѣста Богослуженій,—храмы принимали различныя оттѣнки въ своемъ устройствѣ и украшеніи.—Въ нихъ всегда,—иногда съ сознательною отчетливостію, а иногда и безъ нея, но безъ исключенія всегда,—наглядно выражался религиозно-бытовой духъ времени. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно взглянуть на храмъ XVI и XVII вѣговъ и сравнить ихъ съ построенными въ лѣта позднѣйшія, а такъ же сравнить храмы сѣверной Россіи съ храмами въ областяхъ южно-западныхъ. Но и, не удаляясь даже въ мѣста отдаленныя и времена прошедшія,—мы въ одномъ нашемъ городѣ и въ наши дни не видимъ ли во очію подтвержденія того же самаго? Вникните въ самомъ дѣлѣ въ то явленіе, которое совершается на нашихъ глазахъ,—именно: что значить, что не нашъ только, но и многіе и очень многіе храмы въ наши дни приведены и приводятся въ благолѣпный видъ?—То—отвѣчу, что это есть необходимое требованіе жизни. Это наша жизнь, взошедшая въ послѣднее время на высшую, сравнительно съ временами прежними, культурную ступень, заявила и постоянно заявляетъ свои требованія. Требованія эти до очевидности ясно сказались и сказываются въ отношеніи къ устройству общественныхъ и частныхъ домовъ.—Сказываются онѣ, — тѣ же требованія жизни,—и относительно устройства и благоустройства храмовъ. Повторяется такимъ образомъ и у насъ то же, что было при Давидѣ и именно съ нимъ самимъ. — «И было, повѣствуетъ св. дѣписатель, что Давидъ зажилъ въ своемъ домѣ спокойно и счастливо и сказалъ онъ Нааану пророку: посмотри, я живу въ кедровомъ домѣ, а ковецъ завѣта Господня подъ кожами! — Не прилично; не подобаешь быть сему (2 Цар. VII)».

Судите послѣ этого сами, на сколько основательна красная рѣчь мнимыхъ ревнителей христіанской простоты,—судите—можно ли, хорошо ли было бы наперекоръ требованіямъ жизни оставлять безъ усовершенствованій, безъ улучшеній благолѣпіе храмовъ!... Нѣтъ! — въ ветхомъ завѣтѣ въ жертву Богу приносились лучшія части жертвенныхъ животныхъ; вся исторія церкви, да и не церкви только, а и всего человечества свидѣтельствуетъ, что люди всегда прилагали особенныя заботы объ украшеніи мѣстъ молитвы; въ частности наша отечественная исторія богата проявленіями усердія къ благолѣпію храмовъ Божіихъ.—Такъ ужели мы, и только мы, не должны посвящать Богу лучшее, а должны приносить Ему въ даръ то, что самимъ не гоже?—Неприлично, не подобаешь быть сему!—Да будетъ же благословенъ Богъ, сподобляющій насъ нынѣ созерцать проявленіе святой любви къ мѣсту селенія славы Его и да пребудетъ милость Его надъ возлюбившимъ благолѣпіе храма сего!

Правда, «Богъ—говоритъ апостолъ—Дѣян. VII, 48—не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ». «Богъ есть Духъ — сказалъ Самъ Господь Иисусъ—и иже кланяемся Ему духомъ и истинною достоинъ кланяться» (Іоан. IV, 24). Слова эти повидимому должны быть особенно любезны лъстивымъ ревнителямъ христіанской простоты. Но какой истинный смыслъ этихъ словъ?

Онѣ сказаны были въ обличеніе неправильныхъ іудейскихъ взглядовъ на Богослуженіе.—Іудеи предъ пришествіемъ Спасителя на землю были строгими ревнителями обрядоваго закона и въ соблюденіи его доходили до щепетильной мелочности; но въ то же время слишкомъ мало помышляли о томъ, что составляло душу закона. Исполненіе внѣшнихъ обрядовъ они не одухотворяли внутреннимъ влеченіемъ сердца: внѣшность для нихъ совершенно заслоняла нравственную сторону поступковъ. Потому-то, почивая, какъ выразился о нихъ апостолъ (Римл. II, 17), на законѣ, они пребывали въ мертвенномъ усыпленіи, далеки были отъ истинной жизни.—Это съ одной стороны. Съ другой — законъ былъ пѣстунъ во Христа, самъ въ себѣ онъ не имѣлъ оправдывающей силы, а только приготавливалъ путь къ этой силѣ. И исполнители его поэтому получали оправданіе по мѣрѣ вѣры въ будущее. Между тѣмъ евреи видѣли въ законѣ конечную цѣль и въ точномъ соблюденіи его обрядовыхъ постановленій полагали высшую степень своего совершенства. Отъ того и вся ихъ религиозная жизнь въ то время имѣла извращенный характеръ. Ихъ отношенія къ Богу облечены были въ форму чистаго юридическаго договора; — они убѣждены были, что каждое исполненіе того или другаго обряда обязывало—непрѣменно обязывало—Вседержителя награждать такого ревнителя соотвѣтственно его заслугѣ. Такимъ образомъ побужденіе къ ревностному исполненію закона іудеи находили не въ любви къ Богу,—этой животворящей человѣческую душу силѣ, а въ своекорыстныхъ расчетахъ. Потому-то, по выраженію апостола, искавши праведности закона, они не достигли до закона праведности (Римл. IX, 31) и не разумѣя праведности Божіей, а напротивъ, усиливаясь поставить собственную праведность, не покорились праведности Божіей (—X, 3). Ап. Павелъ сказалъ: «конецъ закона Христосъ (Римл. X, 4). А для іудеевъ не только онъ самъ имѣлъ конецъ въ себѣ, но и въ отношеніи къ нимъ — конечная цѣль заключалась въ формальномъ выполненіи его предписаній, да и не его только,—а и разныхъ преданій человѣческихъ, якобы дополняющихъ его.

Понятно само собою, что, при такихъ религиозныхъ возрѣніяхъ, Богослуженіе у іудеевъ, хотя оно и имѣло основой Богооткровенный законъ и совершалось въ городѣ Давидовомъ, не имѣло самыхъ главныхъ своихъ свойствъ, именно—лишено было съ одной стороны нравственнаго содержанія: заключенное въ исполненіе только формы, оно не было поклоненіемъ Богу въ духѣ; съ другой, если и по самому существу своему оно было прообразовательнымъ, не имѣло, значить, само въ себѣ дѣйствительной, истинной силы, а только предъизображало таковую силу, то еще дальше оно стояло отъ истины въ извращенныхъ понятіяхъ іудеевъ.

Такимъ образомъ слово Господа Иисуса: «грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истинные поклонники поклонятся Отцу духомъ и истинною» (Іоан. IV, 23) имѣетъ такой смыслъ: настанетъ время и уже настало, когда положенъ будетъ конецъ іудейскому Богослуженію, имѣющему только прообразовательное, а не дѣйствительное, истинное значеніе; настанетъ время, когда положено будетъ начало Богослуженію, состоящему не въ формальномъ только исполненіи предписаній закона, но прежде всего во внутреннѣйшемъ стремленіи духа человѣческаго къ Отцу небесному, — духа приводящаго въ движеніе и языкъ и всѣ дѣйствія (Златоустъ на 1-е Кор. XIV, 15), — духа способуемаго, подкрѣпляемаго въ его

естественныхъ немощахъ Самимъ Духомъ Божиимъ (Римл. VIII, 26); настанетъ время, когда положено будетъ начало служенію, имѣющему притомъ *дѣйствительную* силу, протекающую изъ голгофскаго жертвоприношенія. Христіанство возвѣстило это совершеннѣйшее богослуженіе, — поклоненіе Отцу въ духѣ и истинѣ!

Но такое совершеннѣйшее, христіанское поклоненіе Отцу ужели исключаетъ видимую сторону онаго поклоненія?—Нѣтъ, Господь Спаситель пришелъ не разрушить, не уничтожить законъ, а восполнить его, придать ему то, чего онъ и самъ не имѣлъ и не могъ даровать человѣку, но что необходимо требовалось отъ него въ силу наступленія *полноты времени* (Гал. IV, 4), достиженія родомъ человѣческимъ высшаго состоянія,—въ силу того, что познаніе и сила духа возвысились въ человѣчествѣ настолько, что оно уже могло быть выведено изъ состоянія рабства закону, что ему могла быть ввѣрена духовная свобода (Бес. м. Филарета 1858 г. 6 дек.). Но какъ законъ данъ былъ *людямъ*, такъ и христіанство даровано такимъ же, *плотнымъ людямъ*, а не существамъ безтѣлеснымъ. Мало того: оно и не имѣетъ своєю цѣлю дѣлать ихъ безтѣлесными; оно заповѣдуетъ прославлять Бога въ душахъ и тѣлахъ, возвѣщаетъ даже, что и въ будущей жизни люди останутся людьми же, что души ихъ соединятся съ тѣлами, хотя и прославленными. Само собою становится понятно послѣ этого, что и богослуженіе христіанское не чуждо, не можетъ быть чуждо видимой, внѣшней стороны. Больше того: какъ служеніе Богу совершеннѣйшее, оно должно отличаться даже совершеннѣйшимъ, высшимъ благоустройствомъ и благолѣпіемъ. Его форма должна выражать (и она дѣйствительно выражаетъ) совершеннѣйшее содержаніе—духъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ ясно до очевидности и то, что и мѣста богослуженій, дома молитвы должны имѣть подобающее имъ благолѣпіе.—Да будетъ же благословенъ Богъ вложившій ктиторю нашего храма благую мысль расширить и привести въ истинно-благолѣпный видъ этотъ храмъ.—Уповаемъ, что эта широта и эта красота дома Господня, будучи воплощеніемъ прекрасной ревности о славѣ Божіей, будетъ служить, будетъ содѣйствовать болѣе полному обнаруженію и выраженію нашихъ молитвенныхъ обращеній къ Отцу Небесному,—будетъ служить, будетъ содѣйствовать благоустройству, благоуукрашенію и нашей внутренней жизни.—И оное наше духовное благоуукрашеніе да будетъ вышею благодарностью отъ насъ благоуукрашителю храма и да низводитъ на него благословеніе Божіе!

Говорятъ еще, что несравненно плодотворнѣе деньги, расходуемые на украшеніе храмовъ, употреблять на дѣла благотворенія бѣднымъ.—Благотворительность!—это прекрасный плодъ чистыхъ порывовъ души человѣческой,—плодъ, произрастающій подъ живительнымъ дѣйствіемъ истинно-христіанскаго озаренія,—плодъ, отъ котораго тихая и благоухающая сладость распространяется какъ на приемиющихъ, такъ и на дающихъ. Благотворительность! — она въ многоразличныхъ проявленіяхъ всегда составляла отличительную черту общества, проникнутыхъ христіанскими началами. Христіанство всегда дѣлаетъ се, какъ нѣжное и любимое свое чадо, питаетъ и укрѣпляетъ ее. Благотворительность!... Но ужели и въ самомъ дѣлѣ она исключаетъ заботы о благолѣпіи храмовъ?—Нѣтъ,—думать такъ, значитъ думать слишкомъ узко и близоруко,—думать такъ, значитъ признавать бѣднымъ человѣка только въ томъ случаѣ, когда у него мало или и совсѣмъ

нѣтъ денегъ. Но справедливо ли оставлять безъ вниманія, безъ призора его внутреннюю жизнь, — нужды, требованія его духа,—оставлять безъ попеченій эту духовную нищету, не смотря даже на то, что она есть общее достояніе всѣхъ людей, а не нѣкоторыхъ только, и при томъ ощущаема чело-вѣкомъ всегда и постоянно, а не временно только или случайно? Кто не согласится, что это было бы крайнею несправедливостію!

Между тѣмъ гдѣ и какъ полнѣе и удобнѣе можетъ быть облегчена эта тяжкая нищета духовная, какъ не въ храмѣ?—Въ храмѣ каждый христіанинъ, совлекаясь ветхаго чело-вѣка, рождается для новой жизни и получаетъ дары Духа, укрѣп-ляющіе его въ этой жизни; здѣсь онъ очищаетъ свою со-вѣсть покаяніемъ и приемлетъ несомнѣнный залогъ будущей жизни—Тѣло и Кровь Господа Иисуса; здѣсь освящается на-чало его семейной жизни, составляющей несомнѣнно основу не только частной жизни каждаго, но и цѣлаго государства; здѣсь чело-вѣкъ возноситъ благодаренія Создателю за всѣ блага и радости жизни, здѣсь же изливаетъ онъ и скорбь свою предъ Богомъ въ тяжкія минуты и находитъ отраду. Мало того—здѣсь, въ храмѣ, мы надѣемся получить и полу-чимъ непременно утѣшеніе и подкрѣпленіе даже и въ тѣ страшныя минуты, когда «множество мрачное и безчеловѣчное демоновъ срящетъ насъ и никто же въ помощь спутствуяй или избавляяй»: Церковь своими молитвами, возносимыми въ храмѣ, и особенно безкровнымъ жертвоприношеніемъ и тогда не оставитъ насъ сирыми и безпомощными. Тамъ въ храмѣ, и преимущественно въ немъ, чело-вѣкъ находитъ вос-полненіе своего несовершенства, обрѣтаетъ истинное сокро-вище.

Послѣ этого можно ли утверждать, что деньги, употребляе-мыя на устройство и украшеніе храмовъ, расходуются без-цѣльно, или какъ иначе выражаются—непроизводительно?—Нѣтъ, жертва на храмъ есть жертва нашей нищеты духов-ной, ибо благолѣпіе храма незамѣтно для насъ самихъ окры-ляетъ нашу душу; восторгаетъ насъ, приближаетъ къ пре-мірной высотѣ. Это—истина безспорная и не требующая осо-бенныхъ разъясненій. Достаточно вспомнить, что отцы на-ши, послы великаго князя Владиміра, будучи язычниками, созерцая величественное Богослуженіе въ чудной Софіи, не знали, гдѣ они находились, на небѣ или на землѣ; достаточно вспомнить этотъ историческій фактъ, а равно безпристра-стно наблюдать и надъ своими внутренними состояніями, какія конечно всякому приходится испытывать въ храмѣ во время Богослуженія.

Не слѣдуетъ къ тому же оставлять безъ вниманія и того различія, какое замѣчается между бѣдностью въ общепро-ребительномъ смыслѣ этого слова и бѣдностью—въ смыслѣ нищеты духовной. Нищета, въ смыслѣ безденежья, своимъ видомъ, нище своими просьбами, своими напоминаніями всегда въ состояніи выпросить себѣ подаваніе, облегчить свое положеніе. Ихъ внѣшній жалкій видъ, а если и не такой видъ, то настойчивость въ просьбахъ размягчаютъ; или по-крайней мѣрѣ выпуждаютъ на помощь и жестокосердаго. Не такова нищета духовная. Она не обнаруживается явно; ея нельзя встрѣчать и видѣть на улицахъ, потому что она скры-вается въ тайникахъ чело-вѣческаго сердца, въ глубинѣ че-ловѣческаго сознанія. А въ наше время и тамъ-то, въ ду-шѣ, она едва замѣчается.... Мы, нищие и бѣдные духомъ, и сами не сознаемъ своей скудости, а если и сознаемъ, то

такое сознаніе у насъ бываетъ не полное и, что всего чаще случается, мимолетное, скорозабываемое. Нищета духовная и всегда, и въ наши дни и особенно, не проситъ милостыни, хотя и нуждается въ ней. А потому самому и подаваніе милостыни такой нищетѣ имѣть и должно имѣть даже высшее значеніе, чѣмъ подаваніе милостыни бѣдности въ смыслѣ безденежья. Это есть истинно святая, безкорыстная жертва! Да будетъ же благословенъ Богъ, сподобивый насъ созерцать проявленіе такой жертвы и да пробавитъ Онъ, *Всеблагій*, милость Свою жертвователью.

Конечно, всѣ эти наши размышленія мнимымъ ревнителямъ христіанской простоты и благотворительности могутъ казаться нестоящими вниманія. Они вѣдь мнятъ и утверждаютъ, что нынѣ должно имѣть въ виду прежде всего практичность, а не идеальныя стремленія... Преклоняемся предъ ихъ высокоуміемъ, хотя и несомнѣнно увѣрены, что только *душевною* человекъ не приемлетъ, *яже Духа Божія, породство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовнъ възстается* (1 Кор. II, 14). Аще ли кто мнится спорливъ быти въ васъ, мы—говоритъ Апостолъ, такового обычая не имамы ниже церкви Божія (—XI, 16). Препирательства, хитроумныя человѣческія многовѣщанія, поэтому да не исходятъ и изъ моихъ устъ и притомъ съ сего св. мѣста.

При всемъ томъ мой долгъ нудитъ меня напомнить самой любви въ настоящій разъ слѣдующее обстоятельство изъ земной жизни Господа Иисуса. «За шесть дней до Пасхи—повѣствуетъ Евангеліе, пришелъ Иисусъ въ Виванію и остановился въ домѣ любимаго Имъ семейства воскресеннаго Лазаря. Сестра Лазаря приготовила ужинъ и Иисусъ возлегъ съ учениками своими. Марфа служила. Между тѣмъ Марія, взявши аломастровый сосудъ, вмѣшавшій въ себѣ фунтъ нардоваго чистаго, драгоценнаго мѹра, подошла къ Иисусу Христу, разбила сосудъ и возлила Ему мѹро на голову и помазала Ему ноги, которыя и отерла волосами своими. Весь домъ наполнился благоуханіемъ отъ мѹра. Это прекрасное дѣло усердія Марія не понравилось одному изъ учениковъ, именно Іудѣ Симонову Искаріоту (предателю Господа). Онъ началъ говорить возлежащимъ вблизи ученикамъ: «къ чему такая трата мѹра? отъ чего бы не продать его динаріевъ за триста (по нашему счету—64 р. 50 к. сер.) и не раздать нищимъ?» Одинъ изъ евангелистовъ замѣчаетъ при этомъ: *сіе же рече не яко о нищихъ печашеся, но яко татъ бѣ и коувсещенъ имѣаше*. Тѣмъ не менѣе такая рѣчь его показала умною; ученики стали роптать на Марію. Но Иисусъ Христосъ сказалъ: оставьте ее. Что вы ее смущаете? Она доброе дѣло сдѣлала надо Мною. Она сберегла это (отъ погребенія своего роднаго брата) на день погребенія Моего. Нищія всегда при васъ; и когда ни захотите, можете имъ благотворить: а Я не всегда буду съ вами. Она сдѣлала, что могла. И истинно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано это Евангеліе въ цѣломъ мірѣ, скажется въ память ея и о томъ, что она сдѣлала (Іоан. XII, 1—11; Мѹ. XXVI, 6—13; Мар. XIV, 3—9).

Да не смущаютъ же подобнымъ образомъ и насъ и виновника настоящаго нашего торжества льстивыя рѣчи и нынѣшнихъ ревнителей христіанской простоты и благотворительности. Нѣтъ!—Но да возвѣщается братіи сего храма имя благоукрашителя его въ роды родовъ. Память о жертвѣ его усердія да хранится во всѣ дни стоянія сего нашего храма. Аминь.

Свящ. П. Смирновъ.

Годичное собраніе Братства Святой Равноапостольной Маріи. 22-го іюля Братство Святой Равноапостольной Маріи въ день тезоименитства Августѣйшей своей покровительницы, Благочестивѣйшей Государыни Императрицы, Маріи Александровны, совершило свой годичный праздникъ и имѣло общее собраніе, на которомъ, по прочтеніи отчета о дѣятельности Братства и доклада объ окончившихъ курсъ воспитанницахъ Братства въ женской учительской семинаріи и братскихъ училищахъ, произведены выборы должностныхъ лицъ и членовъ Совѣта Братства на слѣдующіе трехлѣтіе. Праздникъ начался церковнымъ торжествомъ въ Братской, Николо-Хамовнической церкви. Литургія и молебствіе совершены были Предсѣдателемъ Братства, Покровскимъ архимандритомъ Веніаминомъ въ сослуженіи членовъ Братства: отца игумена Іосифа, Николо-явленскаго Протоіеря, Стефана Ивановича Зернова, священника Александра Ивановича Любимова, и настоятеля мѣстной церкви О. Ромодановскаго. Въ служеніи молебна приняли участіе многіе священнослужители, члены Братства. Годичное собраніе происходило при значительномъ собраніи членовъ Братства, духовныхъ и свѣтскихъ, въ залѣ женской учительской семинаріи. Предсѣдателемъ Совѣта Братства избранъ единогласно на третіе трехлѣтіе Покровскій архимандритъ Веніаминъ. Товарищемъ предсѣдателя также единогласно избранъ протоіерей Викторъ Петровичъ Рождественскій. Единогласно избраны также: секретаремъ—протоіерей Руфь Александровичъ Ржаницынъ, казначеемъ священникъ Евгений Петровичъ Успенскій, исполнявшій уже три года эту должность. Членами совѣта большинствомъ голосовъ избраны: игумень Іосифъ, протоіерей Стефанъ Ивановичъ Зерновъ, соборный іеромонахъ Никифоръ, священники: Александръ Ивановичъ Любимовъ, Георгій Георгіевичъ Воздвиженскій, Василій Степановичъ Митропольскій, Степанъ Васильевичъ Бѣляниновъ, Иванъ Ивановичъ Скородумовъ и г-нъ Алексѣй Алексѣевичъ Гантеръ. Кандидатами къ нимъ избраны: священники: Василій Николаевичъ Богородскій, Дмитрій Ѳеодоровичъ Доброправовъ, гг. Николай Александровичъ Александровъ и Александръ Ѳеодоровичъ Гетье. Сверхъ избранныхъ членовъ по уставу Братства состоятъ непремѣнными членами Совѣта Братства: Учредительница женской учительской семинаріи: Прасковья Ильинишна Чепелевская, законоучитель семинаріи Протоіерей Викторъ Петровичъ Рождественскій, членъ отъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія—Протоіерей Василій Ивановичъ Романовскій, членъ отъ епархіальнаго духовенства—Протоіерей Михаилъ Дмитриевичъ Никольскій, членъ отъ Московскаго Земства—Дмитрій Алексѣевичъ Наумовъ, членъ отъ училищнаго совѣта, (вакансія) и настоятель Братской церкви О. Ромодановскій. Въ настоящемъ общемъ собраніи Братства избраны единогласно почетными членами Братства: преосвященный Дмитровскій Амвросій и преосвященный Можайскій Алексій. Засѣданіе окончилось пѣніемъ молитвы: *Достойно есть...*

Объ открытіи Новоименовскимъ благочиніемъ свѣчнаго завода. (Письмо въ редакцію).

16 іюля Новоименовское (московское) благочиніе открыло свѣчной заводъ. Такъ какъ свѣчной заводъ устроенъ имъ въ церковномъ домѣ Спасо-песковской, близъ Каретнаго ряда, церкви, то самое торжество открытія и началось литургіей именно въ этой церкви. Литургію совершалъ мѣстный о. благочинный—протоіерей Александръ Григорьевичъ Ни-